

«Это всё Тянь Дэфа целыми днями сомневался то в одном, то в другом! Он не поверил, что Хэ Бянь находится под защитой предков, ещё и повсюду распускал клевету. Старые предки наверняка разгневались — вот и дождливых дней оказалось больше, чем предсказал Хэ Бянь!»

«Верно! Этот Тянь Дэфа всегда был из тех, кто за спиной других играет против своих, прикрываясь возрастом. Когда речь о делах нашего рода Тянь — он только и делает, что давит на нас и обвиняет, а вот с семьёй Ван у него сразу мягкий тон, будто готов им внуком служить. С таким поведением неудивительно, что предки разгневались».

«Этот Тянь Дэфа только и делает, что всех ругает, словно во всём роде один он умелый, а остальные — дураки, одураченные Хэ Бянем. Один он, видите ли, умный и прозорливый! Ну и доумничался — разгневал предков, а теперь из-за него страдает вся деревня!»

Члены рода наперебой бранили Тянь Дэфа. Под проливным дождём у всех глаза налились яростью. Неизвестно кто схватил деревянную палку и ударил связанного Тянь Дэфа по коленям. От боли он вскрикнул и тяжело рухнул на колени в лужу.

Тянь Дэфа и представить не мог, что эти люди окажутся настолько невежественными: толпа собственных соплеменников связала его — старейшину рода. И поверила какому-то шарлатану!

Хэ Бянь уже ошибся в расчётах, а эти люди всё равно слепы и глухи — ещё и свалили на него вину за беды всего рода. Тянь Дэфа кипел от злости, негодования и страха.

«Тянь Дэфа, тебе ещё есть что сказать?»

Он повернул голову на голос. За пеленой дождя, под карнизом, стояла маленькая худощавая фигура. Но на этом размытом лице угадывалась странная, тихая властность — до смешного нелепая.

Стиснув зубы, Тянь Дэфа не произнёс ни слова. Хэ Бянь — всего лишь приёмыш-чужак — ещё и будет его судить? Пока не придёт глава рода, он не скажет ни слова.

Тан Гуй, видя, что даже стоя на коленях Тянь Дэфа сохраняет высокомерный вид и не собирается признавать вину, почувствовал в сердце жгучую ненависть.

Тан Гуй, сжимая в руках деревянную палку, снова с силой сделал удар по коленям Тянь Дэфа:

«Ах ты скотина! Всё время пользовался тем, что в моей семье нет взрослого мужчины, зарился на наши поля, будто хотел оставить нас без всего! Теперь пришло твоё возмездие!»

Сколько раз он видел, как Тянь Дэфа подкрадывался к заднему навесу их дома, пытаясь вести себя непристойно с его матерью. Неудивительно, что в те дни она носила за поясом нож.

Он постоянно твердил, что женщины и геры — существа низкие и ни на что не годные, презирал их при каждом случае, но за спиной лишь и думал, как украсть и отнять, доведя их семью до крайней нужды.

Очередной удар — и от боли Тянь Дэфа завыл, но в его глазах лишь сильнее проступила упрямая насмешка, словно он уже всё понял и был уверен, что их самоуправство долго не продлится.

И действительно — краем глаза он заметил, как поспешно приближается глава рода. Тут же, сменив выражение, он разразился рыданиями:

«Глава! Глава, вы наконец пришли! Вы должны восстановить справедливость!»

Лицо главы рода потемнело от тревоги и напряжения. Он оглядел согбленных под ливнем людей во дворе, затем перевёл взгляд на тонкую фигуру за пеленой дождя. Воцарилась мёртвая тишина — все взгляды были прикованы к нему и к силуэту под карнизом, словно в этот критический момент только эти двое могли всё разрешить.

Но глава рода знал: у него нет никакого выхода.

Тянь Дэфа на мгновение растерялся. Увидев, что глава рода тоже пристально смотрит за пелену дождя, он вдруг почувствовал, как у него сжалось сердце от страха, и громко выкрикнул:

«Глава! У меня есть доказательства, что Хэ Бянь — обманщик!»

Глава рода перевёл на него взгляд.

Словно ухватившись за последнюю соломинку, Тянь Дэфа поспешно заговорил:

«Он вовсе не умеет призывать духов предков, у него нет никаких сверхъестественных способностей! Он просто наугад угадал про ливень — это и старый крестьянин может предположить! Если бы он действительно умел считать и призывать предков, как он мог ошибиться с количеством дней?!»

Жители деревни, видя, что он всё ещё несёт чушь, возмущённо закричали:

«Это потому что ты не верил и не почитал предков! Они разгневались и ниспослали наказание — теперь страдает весь род!»

Тянь Дэфа возразил:

«Тогда посмотрите: этот ливень только в нашей деревне Тяньцзя или и в других деревнях тоже? А может, по всему уезду льёт?! Наши предки могут управлять только нашей деревней — неужели они могут карать и чужие тоже?!»

Родственница из соседней деревни, пришедшая к старухе У, пробормотала:

«По-моему, этот Тянь Дэфа говорит разумно. У нас в деревне тоже ливень, не может же быть, что ваши предки наказывают и нас. Да и этот Хэ Бянь — с виду самый обычный, наверняка мошенник».

Услышав это, старуха У побледнела и, расширив глаза, поспешно зажала ей рот:

«Тебе жить надоела?!»

Племянница старухи У недовольно сказала:

«Чего бояться? Он же ещё предсказал, что ваш Ван Саньлан умрёт. А я вчера его видела — был бодр и здоров».

Эти слова снова поколебали даже самых убеждённых жителей.

И тут в двор вбежал человек. Народу было так много, что он, протискиваясь, всё время кричал: «Посторонитесь!», и, с трудом прорвавшись вперёд, с глухим стуком упал на колени под

навесом:

«Хэ Бянь, прошу тебя, спаси моего сына, Ван Саньлана!»

«Сегодня утром ему отрубили руки и ноги и бросили под дождём... у моего сына уже остался лишь последний вздох!»

Услышав это, жители деревни в ужасе втянули воздух. Им даже показалось, будто дождевая вода, стекая по волосам, стала липкой, словно пропитанной кровью — от этого становилось и страшно, и тошно.

Тянь Дэфа тоже вздрогнул; в его глазах мелькнула тень страха, но он тут же зло выкрикнул:

«Это наверняка Хэ Бянь тайком всё подстроил! Иначе почему не раньше и не позже — именно сейчас он умирает?! Будто специально, чтобы доказать, что он и правда умеет предсказывать!»

Не дав Хэ Бяню открыть рот, отец Ван Саньлана, Ван Цзиньшуй, яростно оборвал его:

«Тянь Дэфа, да заткнись ты уже! Хочешь умереть — не тащи за собой и меня! Моему сыну руки и ноги отрубили люди из игрового дома! Господин Хэ Бянь, умоляю, сжальтесь, спасите моего сына! Мы всей семьёй будем вам служить как скот — отплатим за доброту!»

С этими словами он с глухими ударами принялся биться лбом о землю перед Хэ Бянем.

Хэ Бянь же был удивлён: смерть Ван Саньлана в этой жизни оказалась иной, чем в прошлой. Тогда тот проиграл всё состояние, а в конце умер от венерической болезни.

В этой же жизни он осмеливался только играть, но не ходил по женщинам. В ту ночь его так избили, что он надолго запомнил страх — стоило лишь подумать о тех вещах, как его будто лишали половины жизни. Потому он и ушёл с головой в азартные игры.

С такой жалкой жизнью Ван Саньлана — разве его можно было спасти?

Члены рода Тянь давно натерпелись от него бед. В другое время, услышав подобную новость, они бы ещё из вежливости изобразили сочувствие ради соседских отношений. Но сейчас каждый был занят лишь собственным выживанием.

Ливень уже грозил стать настоящим бедствием, отрезать им путь к жизни — где уж тут до пустых формальностей.

Хэ Бянь уже собирался заговорить, но глава рода опередил его, взяв на себя роль "злодея":

«Раз Хэ Бянь предсказал, что Ван Саньлан умрёт, значит, в книге жизни и смерти у владыки Ямы это уже решено окончательно. А ты тут рыдаешь и на коленях стоишь — разве не ставишь нашего Хэ Бяня в затруднительное положение?»

Ван Цзиньшуй от крика опешил. Он и представить не мог, что обычно мягкий и уступчивый глава рода Тянь окажется столь непреклонным и хладнокровным перед чужой бедой. Но не успел он разозлиться, как жители во дворе уже оттеснили его назад и все разом, с мольбой в глазах, обратились к Хэ Бяню.

Сам же Ван Цзиньшуй не сводил с него взгляда — с того самого юноши, о котором его сын в последнее время только и говорил, что хочет взять в супруги. Мол, стоит жениться на Хэ Бяне — и их семья взлетит, фамилия Ван станет главенствовать в деревне Тяньцзя.

А ведь всего лишь какой-то ничтожный гер, ниже бродячей собаки, незаметный и жалкий. А теперь, когда он, Ван Цзиньшуй, при всех унижается, просит, кланяется, говорит добрые слова — тот ещё и важничает.

Пёс, полагающийся на чужую силу!

Подумав о том, что единственный сын — продолжатель рода — уже не жилец, что чужаку без сына и опоры и жить незачем, он ощутил, как в груди всё оборвалось.

Этот ливень делал всё вокруг мрачным и невыносимым, словно запирая людей в тесной коробке, не давая вздохнуть.

Сжав сердце, Ван Цзиньшуй вдруг взорвался яростью:

«Моему сыну не жить — так и вы, из рода Тянь, тоже не выживете! Вся ваша деревня пойдёт с нами в могилу!»

Теперь уже никому не было дела до Тянь Дэфа. Родичи обступили Ван Цзиньшуя, ругая его: мол, белоглазый неблагодарный волк, которого испокон веков не приручить — зря их предки когда-то приняли их в деревню.

Под грохот ливня тревога и раздражение лишь усиливались. Разгорячённые словами Ван Цзиньшуя, люди перешли к рукоприкладству — навалились на него гурьбой, прижали к земле и стали избивать.

Кровь из разбитого носа смешивалась с дождевой водой, разлетаясь брызгами. В шуме ливня его прерывистое, болезненное дыхание звучало почти невыносимо. Но Ван Цзиньшуй не только не просил пощады — наоборот, с жутким, сводящим с ума выражением он расхохотался:

«Бейте! Бейте сильнее! Чем сильнее будете бить — тем вернее весь ваш род пойдёт вслед за моим сыном в могилу!»

Его вид внушал деревенским настоящий страх, и от этого они лишь ожесточались, нанося удары ещё яростнее.

Почувствовав, что дело принимает дурной оборот, глава рода вмешался и резко остановил избиение, требовательно спросив:

«Что, в конце концов, произошло?!»

«Ха-ха-ха! Думаете, скажу? Пусть все вы отправитесь в могилу вместе с нами!»

На душе у главы стало совсем неспокойно. Остальные тоже разом обратили взгляды к Хэ Бяню под пеленой дождя. На него обрушились десятки полных страха и мольбы взглядов. Он сжал ладони, его взгляд стал холодным и напряжённым.

В этот момент перед ним потемнело — Чжоу Ци шагнул вперёд, заслоняя его от этих взглядов. Люди не должны были возлагать всю надежду на выживание на одного юношу — это было бы для Хэ Бяня тяжким бременем и моральным давлением.

Но и самому Хэ Бяню хотелось понять, что за "гибель всего рода", о которой с такой уверенностью твердит Ван Цзиньшуй.

Сердце его билось всё быстрее, почти выходя из-под контроля. В смутном предчувствии

надвигалась какая-то катастрофа, и это ощущение заставляло Хэ Бяня ясно осознать, насколько он слаб и ничтожен перед происходящим.

<http://bllate.org/book/17226/1617189>